

РУССКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ*

А.Ф.БОНДАРЕНКО

Уважаемые коллеги!

Во-первых, позвольте выразить свою благодарность вам и в вашем лице киевскому Институту психологии за приглашение выступить на семинаре по проблемам практической психологии.

Во-вторых, позвольте выразить надежду, что после долгих лет безвременья, как было принято говорить в прошлом веке, или застоя – как было принято говорить в прошлом десятилетии, киевский Институт психологии имени Г.С.Костюка возродит традиции семинаров Челпанова и Сикорского, возродит дух научных поисков Блонского и Зеньковского, высокий дух философских исканий Бердяева и Льва Шестова, без поддержания которого мы и дальше будем чувствовать себя сиротами и с самоуничижением соглашаться, что есть ленинградская психологическая школа, московская, харьковская, – а киевской нет.

Между тем, я склонен полагать, что кризисное состояние киевской психологической школы есть лишь фасеточное, изоморфное отображение кризисного состояния русской психологии, хотя и не русской психологической мысли, в XX столетии. В самом деле, среди основных психологических парадигм уходящего века можно выделить: американский и англо-саксонский бихевиоризм и когнитивизм, немецкую гештальт-психологию и психоанализ (в широком спектре западноевропейских и американских разветвлений), западноевропейский и американский экзистенциализм, немецкую и французскую школы целостно-соматического, биологически детерминированного подхода к психике. В то время как специфический кентавр советской психологии представляет собой своеобразное сочетание немецкой предельно рационалистической гносеологии и русской находчивости. Тем самым подорвана одна из антропологически важнейших детерминантных

* Выступление на семинаре по проблемам современной психологии в киевском НИИ психологии АПН Украины в июне 1997г.

функций психологии – проективная; восстановление этой, проективной, функции и мыслится нами как важнейшая задача современной отечественной психологии.

Неудивительно, что в конце XX века и киевская психология, мозаичная и эпигонская по своему содержанию и статусу, все еще не разрешила проблему собственного самоопределения, проблему идентичности, и я часто, как, наверное, и многие из вас, задумываясь о своих взаимоотношениях с ней, напоминаю самому себе известного Петруху из не менее известного кинофильма, который, помнится, всё приставал к одной из девушек :«Гюльчатай, открой свое личико! Гюльчатай, открой свое личико!»

Наивный Петруха, помнится, смертельно поплатился за свои наивные представления. Нас, и меня в частности, от упомянутого персонажа отличает, по крайней мере, то, что мы твердо знаем: под покрывалом скрывается не одно лицо. Я склонен полагать, что у современной киевской психологии их, как минимум, три.

Это, во-первых, советская традиция в исследованиях киевских психологов. Традиция, восходящая к немецкой классической философии и философской антропологии Л.Фейербаха и К.Маркса. Ключевыми словами которой являются: диалектика, деятельность, методология, отношения и др.

Это, во-вторых, обличье, которое я бы назвал «национальная психология». Оно молодое, только складывается и ищет свое лицо, пытаюсь восходить к вольнолюбивому страннику Г.Сковороде и традициям мрачного гения Т.Шевченко. Оно несет в себе весь пафос нарциссически-инцестуозной проблематики, к счастью, скрытый от мира столь кстати принятым законом о едином государственном языке. Сузив и без того неширокий круг своих приверженцев, данное направление оперирует следующими ключевыми словами: независимость, государственность, национальное самосознание, Украина и т.п.

О государственном языке я говорю – *к счастью*, ибо, отделив себя от большей части населения, государство тем самым как бы санкционировало возможность своей и нашей, ученых, независимости друг от друга.

Но обратимся к третьему лику киевской психологии.

Это – духовный, культурный и научный источник собственно русской киевской традиции философии и психологии, который не нуждается в ложном пафосе и декларациях принадлежности, ибо, оставаясь сущностно аутохтонным, наднациональным и внегосударственным, несет в себе свою традицию, свой собственный дух, давно решив проблему самоопределения.

Мое выступление, собственно, и посвящено раскрытию историко-культурных и философско-психологических основ русских традиций киевской психологической школы, которые составляют, на мой взгляд, могучий и нерастратенный потенциал психотерапевтического воздействия

применительно к личности представителей современного русского суперэтноса (т.е. белорусов, великороссов и малороссов) с учетом их генетического *культурно-исторического* менталитета.

Полагаю, что ключевыми словами этого направления являются: культура, христианство (православие), человек, личность, нравственность, свобода, Бог.

Как глубоко подметил А.Ф.Лосев, наука не уничтожает мифы. Она лишь отказывается от чуждых и творит свои собственные.

И вот я утверждаю: та социокультурная, научная и философско-психологическая мифология, которая создана естественнонаучной, культурно-философской и собственно психологической мыслью русской киевской школы, является могучим и надежным основанием для возрождения и дальнейшего развития современной отечественной психологической антропологии как основы оказания психологической помощи личности.

Чтобы ввести вас в историко-философский контекст, создавший предпосылки для этой философской антропологии, я бы рискнул обратиться прямо к 1054 году, т.е. примерно ко времени закладки собора Софии киевским князем Ярославом Мудрым. Именно 1054 год, год официального разрыва христианских церквей, схизмы, послужил своеобразным разделом средневековой христианской Европы на два четко очерченных религиозно-культурных пространства: *Pax Orthodoxa* и *Pax Romana*.

И Киев, мать городов русских, как и вся Киевская Русь, принадлежали именно к восточному, византийскому христианству. Недостаточное осознание своего, так сказать, культурно-генетического происхождения, смешивание диахронических, вертикально-временных, и синхронических, горизонтально-временных процессов, к сожалению, приводят не только к политическим казусам, когда наши министры стремятся занять место швейцара у ворот в Западную Европу, но и, как ни грустно это констатировать, к тому, что многие наши коллеги, совершенно потеряв свое нынешнее лицо, воспроизводят известную арию из оперы «Наталка-Полтавка»: «Я вже турок, не козак». «Зачем нам Москва, мы теперь европейцы».

Как практикующий психолог я могу расценить подобные личностно-культурные деформации как особый невроз постсоветского времени, *невроз потери культурной идентичности*.

Мне представляется жизненно важным обратить внимание на следующее: вся территория современной Украины, за исключением областей, присоединенных по пакту Молотова-Риббентропа, т.е. вся Малороссия, как и Московия – это культурно-историческое пространство византийского православия. Именно эта, определяющая черта нашей с вами социокультурной принадлежности делает нас теми, кто мы есть.

Напомню вам особенности византийской культуры. Во-первых, по сравнению с культурой католической, византийская культура более

гомогенна, типологически однородна, несмотря на различные штрихи региональных отличий. Это различие обусловлено традиционной имперской системой власти в Византии, ведущей ролью греческого языка в многоплеменной империи, особыми принципами организации и *местом* православной церкви, равно как и морально-этическими нормами поведения верующих¹.

Во-вторых, в восточном, православном ареале в гораздо большей степени, чем в западно-католическом, ощущались глубокий спиритуализм, общепризнанный церковным канон («тайнства», «благодать»), равно как и безоглядная верность православию, что толковалось как высшая добродетель византийца. Отсюда – безуспешные попытки унии восточной и западной церквей (XIII-XV вв.).

Именно по этой причине христианский Восток не знал ни в XIV-XV, ни в последующем того плюрализма, – в пределах христианства – который привел Западную Европу к Реформации, и – затем, – в учении Кальвина – к культуре денег и богатства как высшему доказательству богоугодности.

В русской культуре никогда деньги не имели и, по-видимому, не обретут той силы и дьявольского очарования, какую они имеют в протестантских Соединенных Штатах и протестантской и католической Европе. Мировой литературе Нового Времени не известен ни один герой, кроме Настасьи Филипповны у Достоевского, сжигавший в огне 100 тыс. рублей – того, царского, достоинства.

В-третьих, отличительной чертой византийской культуры является ее восточный колорит: наследие длительных и тесных культурных связей с цивилизациями Востока, а также – по этой причине – более терпимое отношение к мусульманству, чем к католичеству. Между нами говоря, разве коммунистическая идеология не является своеобразным паллиативом квазинаучного мусульманства? С ее отрицанием роли личности? С ее культом пророка? С ее предпочтением «железных батальонов» свободному человеческому «Я».

В-четвертых, в латинской (католической) зоне культурная монополия церкви была гораздо более полной, чем в православной. Намного более сплоченная и богатая, западная церковь сумела утвердить существенно более строгий контроль над духовной жизнью общества. Отсюда тщательная и тончайшая нюансировка исповеди в католицизме, и дидактическая нота в творчестве западно-европейских культурных деятелей. Более бедная, больше зависимая от светской власти (института папства и Ватикана у нас нет), менее централизованная восточно-христианская церковь обладала меньшими возможностями организованного руководства всеми сферами культуры.

У нас не было монашеских орденов.

У нас не было иезуитов. Духовные пастыри православной церкви возлагали больше надежд на индивидуальное рвение и личное

¹ См. *Культура Византии* (Отв. ред. З.В.Удальцова, Г.Г.Литаврин). – М.: «Наука», 1989 – с.630-635.

благочестие прихожан.

Христианин-византиец, т.е. православный, смотрит на мир все-таки несколько иными глазами.

Дело в том, что обитатели восточно-христианского мира, менее чем на Западе защищенные корпоративными и сословными связями, более зависимые от произвола деспотов и их прислужников, были и более подвержены отрицательным эмоциям и психологическим травмам. Более остро нуждались в утешении, снисхождении и милосердии.

Поэтому-то отблески этих духовных состояний, просматривающиеся в скорбных ликах Спасителя и Богоматери, в традициях исихазма и странноприимничества, в склонностях русского человека к безоглядному самопожертвованию и такому же безоглядному бунтарству, т.е. психологическому рабству, ибо и то, и другое есть отрицание себя, – все это формирует совершенно иной контекст психологической помощи и личностной психотерапии в нашем восточнославянском и постсоветском пространстве.

С.С.Хоружий писал: «Эпоха должна открыть свой образ человека – образ, вмещающий его современный опыт, и тем дающий ему возможность осознать этот опыт, заново увидеть себя как свободно предстоящее Богу».

Вслед за традициями православной культуры я понимаю назначение психологической помощи как поддержки в раскрытии Божественного замысла (проекта) личности, а смысл психологической помощи, – в одухотворении ее идеей человека, его цельности и свободы.

Недаром и Фрейд, и Юнг отмечали неприложимость психоанализа к русской душе. А в последние годы исследования петербургских коллег показывают, что психоанализ «не работает» с русским сознанием. Не зря Вышеславцев указывал на коренное отличие психоаналитической трактовки неосознаваемых процессов от трактовки в русском персонализме. А Бердяев прямо писал; «Психология, открывая в человеке бездну тьмы, противоречие и муку, должна также открывать в человеке и образ и подобие Божье, и творца ценностей» (с.78, 1992).

«Менее всего знает тайну сублимации рационализм» – писал Бердяев, отмечая: зло психоанализа как практики в том, что он хочет внести сознание в половую жизнь, т.е. покушается на тайну человеческую.

Сущность же русского персонализма, как основы психологической помощи, состоит в понимании того, что «нравственное изменение человека не может быть достигнуто при помощи нравственного сознания, которое и делает человека больным. Оно реально достижимо лишь при помощи сверхсознания, идущего из духовного мира. И это предполагает построение новой этики, основанной не на нормах и законах сознания, а на благостной духовной энергии. Христианское учение о благодати и было всегда учением о восстановлении здоровья».

Думается, не будет преувеличением прямое суждение о том, что в основании всего здания русской классической философии лежит

положение о безусловном примате ценности человека, его личности, но не в самом, так сказать, механически натуральном виде, а – как явленного миру «образа и подобия Божия». Персонализм, построенный на принципах христианства, нацеленность на познание и постижение сокровенной сущности бытия, – таковы исходные черты классической русской философии. Вследствие этого, в качестве ее основных понятий, входящих в контекст проблематики психологической помощи, могут быть рассмотрены следующие: *человек* (его высшие и низшие проявления; *воля, долг, любовь, совесть, ответственность, зависть, ненависть и т.д.*), *личность* (и соотносящиеся с ней понятия: *душа, дух, самость*); *личностное бытие* (*опыт, общение, встреча, сопереживание, самосознание*); *культура* (как способ человеческого бытия); *символ, орудие и орган* (как проявление, средство человеческого бытия); *деятельность* (как целесообразная активность), *поступок* (действие, имеющее нравственное достоинство).

Богатство и разнообразие психологических прозрений и подходов к проблематике личности в классической русской философии весьма неотвлеченным образом соотносимо с конкретной практикой психологической помощи, которая может трактоваться как «духовная ортопедия» (П.А.Флоренский), как «поддержание духа», восстановление способности любви и веры, личностного «Я», соотносимого с вечными и нетленными ценностями, бытия в качестве ответственного и причастного к смыслу своей жизни, имеющего свое достояние и достоинство не только в самом себе, но и в бытии другого и для другого, и осознающего и означающего себя в этом своем авторском, ответственном бытии как развертывающееся, развивающееся во времени-пространстве культурное тело, мир, и одновременно символ, отражающий неведомые глубины инобытийного, не явленного вовне бытия, составляющие тайну самого человека.

Таким образом, богатейшие отечественные традиции персонализма дают возможность не только восстановить «Я», его самостоянье, но и выйти за пределы «Я» в области духовного и вневременного бытия, к проявлению самости и осознанию собственной жизни и ее ценности как одного из бесконечных проявлений жизни людей и человечества, как вечно повторяющейся и неповторимой, разгадываемой и неразгаданной, попираемой и неуничтожимой, наполненной болью и радостью, отчаянием и надеждой, безверием и верой, равнодушием и любовью тайны человеческого бытия.